

УРОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сулиман Мусаев родился в 1972 году. Окончил филологический факультет Чеченского государственного университета. Писатель, переводчик, редактор отдела прозы литературно-художественного журнала «Вайнах». Публиковался в журналах «Орга», «Нана», «Дарьял», «Дружба народов», в сборнике «Молодые писатели Кавказа». Участник нескольких форумов молодых писателей в Липках, магистр малой прозы по итогам Всероссийского форума молодых литераторов (2009). Живёт в Грозном.

В пятом «Б» классе шёл урок литературы. Располагался класс в помещении бывшей столовой, стоявшей в метрах ста от школы — старого, ещё тридцатых годов постройки, белого двухэтажного здания.

После начала второй войны из Грозного и районов активных боевых действий в Ассиновскую хлынул поток беженцев, в школе увеличилось число учащихся, и некоторые классы пришлось разместить в пристройках — в кабинете труда, мастерских и столовой. И хотя с начала войны шёл уже четвёртый год, до «наведения конституционного порядка» было ещё далеко, и размещённые в школьных пристройках временно, как думали, дети продолжали обучение в таких не слишком благоприятных условиях.

Помещение столовой, в отличие от других подсобок, было большим. Эта особенность сказывалась зимой, когда еле теплившиеся батареи плохо грели

и дети сидели за партами в верхней одежде и перчатках.

По правую сторону от входной двери тянулся прилавок, который делил помещение на две примерно равные части. За ним стояли шкафы, несколько парт, какие-то ящики, чудом уцелевший общепитовский котёл, инвентарь технического персонала: лопаты, швабры, веники. В шкафах, иные из которых были без дверей, лежали стопки старых учебников.

Вёл урок Ризван Махмудович, мужчина средних лет, всегда аккуратно одетый и тщательно выбритый. У доски стоял Аслан Курбанов, не по годам рослый и розовощёкий крепыш, и читал доклад о жизни и творчестве Льва Толстого. В его рассказ временами врвался шум улицы — рёв бронетехники, редкие автоматные очереди: в станице шла «зачистка». О предстоящей «зачистке» было известно заранее: накануне она шла в соседнем селе, Серноводске, кроме того, все въезды-выезды из Ассиновской ещё со вчерашнего дня были перекрыты, а это для наученных горьким опытом станичников было верным признаком того, что следующая очередь за ними. Вчера вечером, после уроков, педагогический коллектив провёл краткое совещание, на котором решался один вопрос: проводить ли занятия в школе на следующий день. Учителя сошлись на мнении, что уроки нужно проводить. Они надеялись этим оградить от бесчинств хотя бы

старшекласников. Сам Ризван Махмудович, несмотря на возмущения обеспокоенной жены, настоял на том, чтобы его сын-десятиклассник в этот день обязательно пошёл в школу. «Пусть он лучше завтрашний день проведёт среди людей, — заявил он. — Ничего, даст Бог, всё обойдётся».

Ризван Махмудович ходил по классу взад-вперёд, заложив руки за спину, слушал доклад и время от времени утвердительно кивал. На уроках он всегда ходил вдоль рядов, поддерживая в классе рабочую атмосферу, и садился лишь для того, чтобы сделать переключку.

Курбанов закончил доклад и вопросительно посмотрел на учителя.

— Молодец, Аслан! Садись, я ставлю тебе «пять», — Ризван Махмудович прошёл к доске. — А теперь...

Кто-то постучался, дверь открылась, и заглянул Руслан из девятого класса, брат Малики:

— Извините, Ризван Махмудович, Мадаеву можно? Я забыл паспорт дома, хочу послать её за ним, на всякий случай, — виновато объяснил он.

— Конечно, конечно. Иди, Малика.

Малика встала и быстро вышла. Сегодня по программе у них намечалось чтение и обсуждение отрывка «Петя Ростов» из романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

Вдруг до них донёсся женский плач. Ризван Махмудович стремительно вышел и увидел:

раскидывая полы плаща, прямо по лужам в сторону дома бежала Сацита Усмановна, молодая учительница математики. Во дворе школы, тихо переговариваясь, стояло несколько женщин и с ними директор, Мадина Абуевна.

Ризван Махмудович подошёл к ним:

— Что случилось?

— У неё брата забрали, отца, который пытался воспротивиться этому, избили. Девочка прибежала, рассказала ей, — хмуро объяснила Мадина Абуевна. Она сама сильно беспокоилась об оставшемся дома муже, но не могла покинуть школу.

Ризван Махмудович вернулся в класс. Стояла мёртвая тишина. Прошло несколько минут. Под окнами послышались громкие голоса, дверь резко и широко распахнулась, и в класс ввалилось несколько военных с автоматами навскидку. Дети встали. Военные быстро огляделись, затем четверо прошли за прилавок, а пятый, капитан, подошёл к учителю.

— Добрый день, предъявите документы! — хриплым голосом потребовал он.

Ризван Махмудович достал из кармана тёмно-серого пиджака паспорт и трудовую книжку, которые в это смутное время всегда носил с собой, и протянул капитану. Четверо других тем временем производили обыск, рылись в ящиках, заглядывали за шкафы, зачем-то вываливали в кучу учебники. Ученики продолжали стоять. Ризван Махму-

дович, стараясь держать себя в руках, обратился к капитану:

— Товарищ капитан, ничего противозаконного здесь нет. Покиньте, пожалуйста, кабинет: у нас идёт урок, — голос его был спокоен.

— «Урок!» — передразнил его «товарищ капитан». — Чего их учить, всё равно бандюгами вырастут! Моя бы воля... — тут он обратился к своим подчинённым: — Ну что там?

— Чисто, товарищ капитан!

— Значит, плохо ищите, — ухмыльнулся он, небрежно кидая паспорт учителя на стол.

— Садитесь, дети, — обратился к ученикам Ризван Махмудович, видя, что никто, кроме него, не обращает внимания на стоящих детей и не попросит их садиться.

Капитан внимательно оглядел детей и закончил начатую ранее фразу, отчётливо проговаривая слова:

— Моя бы воля, я всё это змеиное отродье поставил бы к стенке, — и неожиданно грязно выругался.

Ризван Махмудович вспыхнул:

— Товарищ капитан, держите себя в руках, это же дети!

Вошёл ещё один офицер. Он поздоровался и спросил у капитана:

— Нашли что-нибудь?

— Ничего не нашли, товарищ подполковник!

Подполковник повернулся в сторону детей:

— Как делишки, детишки? Учитель хороший у вас?

После небольшой паузы несколько голосов ответило:

— Хороший!

— Двоек много ставит? Может, нам забрать его?

— Не надо! — дружно ответили дети. Военные засмеялись. Ризван Махмудович опустил голову.

Недалеко раздался взрыв. Понесся звон разбитого стекла. Офицеры и солдаты бросились наружу. Оказалось, один из солдат поднялся для проверки на чердак мастерской, чего-то испугался (может, шарахнувшейся от скрипа открываемой дверцы чердака кошки?) и швырнул лимонку.

Петимат, сидевшая за первой партой, заплакала. Она была беженкой из Катар-Юрта, во время штурма села была ранена, в ней до сих пор сидело несколько осколков. Ризван Махмудович подошёл к ней, стал гладить её по голове и успокаивать:

— Не плачь, не плачь, Петимат! Видишь, они уже ушли. Скоро они совсем уйдут. Всё будет хорошо, не плачь.

Скоро рыдания перешли в тихие всхлипывания.

Ризван Махмудович вернулся на своё место и тяжело опустил ся на стул. Перед ним лежала открытая тетрадь с поурочными планами. Несмотря на свою почти двадцатилетнюю преподавательскую практику, он всегда приходил на уроки тщательно подготовленным.

«Война и мир»... Сегодня он собирался поговорить с этими пятиклассниками о патриотизме

русских солдат в Отечественной войне 1812 года, о некоторых героях этой войны: партизанском вожаке Денисе Давыдове, генерале Николае Раевском и его сыновьях. Собирался поведать им об их знаменитом земляке, которого, правда, Лев Толстой в своём романе не упоминает: командовавшем в войне с французами 1-м Бугским казачьим полком полковнике Александре Чеченском, кавалере многих правительственных наград, который впоследствии дослужился до чина генерал-майора русской армии. Но ничего не стал говорить. Ему было мучительно стыдно перед этими мальчиками и девочками, словно они его, именно его уличили в чём-то позорном, низменном, недостойном. Он боялся, что дети почувствуют фальшь в его словах, недоверие к его рассказу. Ведь дети очень чутко всё воспринимают.

В окно влетела ласточка. Она сделала несколько кругов и села на приоткрытую створку форточки.

— Ласточки прилетели! — радостно воскликнул кто-то в тишине.

— Что? — Ризван Махмудович оторвал взгляд от стола. — Ласточки?

Видя светлеющие лица учеников, он сам не смог удержаться от улыбки.

— Ласточки прилетели — это хорошо.

Ласточка склонила голову набок и, лукаво поглядывая на детей, о чём-то весело защебетала.